

Научная статья

УДК 654. 197:94:304.4

EDN [FFEUMX](#)

DOI 10.17150/2308-6203.2025.14(2).354-369

Историко-архивные телепрограммы в контексте «мемориального поворота»*

Мясникова М.А.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация, avt89@yandex.ru

Аннотация. Историческая тема стала сегодня одной из самых популярных в деятельности российского телевидения, равно как и в современных междисциплинарных научных исследованиях. В статье изучается практика российского телевидения по сохранению коллективной культурной памяти народа. К сожалению, здесь нередко возникают риски, связанные с недостоверностью, фальсификацией сообщаемых фактов. «Мемориальный поворот», обозначившийся на стыке XX–XXI вв., ставший одним из методологических поворотов, изменивших облик современной исторической науки, рассматривается здесь в рамках предложенного С.Г. Корконосенко понятия «социальный заказ», источником которого выступают не требования государства, партий или частных структур, а совокупность потребностей общества. Констатируется, что профессиональные историки все активнее занимаются сегодня популяризацией истории, которая предстает в их трудах и как знание о прошлом, и как образ этого прошлого в коллективной памяти. Сопоставляются понятия: академическая, популярная, прикладная и публичная история, располагающаяся между историей профессиональной и популярной; культурная, историческая, коллективная память, а также понятие «медиапамять», возникшее благодаря процессам медиатизации коллективной памяти в цифровой среде, что ведет к превращению ее в цифровую память. Интеграция медиа в различные сферы жизни общества приводит к тому, что интернет-пользователи выступают теперь не только потребителями, но и создателями исторического контента, транслирующего образы прошлого. Данная статья — попытка разобраться в сложных взаимоотношениях исторической науки, коллективной памяти и медиа. Проанализированы телепрограммы канала «Россия К»: «Власть факта», «Запечатленное время», «Почерк эпохи». На примере работы телевидения с историко-архивными материалами в рамках задач «исторической журналистики» показано влияние на отношения экранного документа с реальностью со стороны автора и зрителя, который может воспринимать историческую телепрограмму на разных или на нескольких уровнях сразу: как информацию, аналитику или художественную публицистику.

Ключевые слова. Медиатизация, телевидение, история, архивы, культурная память.

Финансирование. Публикация статьи профинансирована СПбГУ на основании результатов конкурсного отбора научных мероприятий, рекомендованных к проведению.

Информация о статье. Дата поступления 16 января 2025 г.; дата поступления после доработки 28 марта 2025 г.; дата принятия к печати 31 марта 2025 г.; дата онлайн-размещения 10 июня 2025 г.

* Материалы обсуждены на XXVIII международной научно-практической конференции «Журналистика XXI века (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, 22–23 ноября 2024 г.)».

Для цитирования. Мясникова М.А. Историко-архивные телепрограммы в контексте «мемориального поворота» / М.А. Мясникова. — DOI 10.17150/2308-6203.2025.14(2).354-369. — EDN [FFEUMX](#) // Вопросы теории и практики журналистики. — 2025. — Т. 14, № 2. — С. 354–369.

Original article

Historical and Archival Television Programs in the Context of the “Memorial Turn”**

М.А. Мясникова

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation, avt89@yandex.ru

Abstract. The historical theme has become now one of the most popular in Russian television activities, as well as in modern interdisciplinary scientific research. The article examines Russian television practice in preserving the people collective cultural memory. Unfortunately, risks associated with reported facts unreliability and falsification often arise here. The “memorial turn” that emerged at the 20th and 21st turn of the centuries and became one of the methodological turns that changed the modern historical science face is considered here within the framework of the proposed by S.G. Korkonosenko “social order” concept, the source of which is not the demands of the state, parties or private structures, but the totality of the society needs. It is stated that professional historians are increasingly engaged in the history popularization today, which appears in their works both as knowledge of the past and as an image of this past in collective memory. The following concepts are compared: academic, popular, applied and public history, located between professional and popular history; cultural, historical, collective memory, as well as the concept of “media memory” that arose due to the collective memory mediatization processes in the digital environment, which leads to its transformation into digital memory. Media integration into various society spheres leads to the fact that Internet users now act not only as consumers, but also as the creators of the historical content broadcasting past images. This article is an attempt to understand the complex relationships between historical science, collective memory and media. The TV programs of the channel “Russia K” are analyzed: “The Fact Power”, “Captured Time”, “The Era Handwriting”. Using the example of television's work with historical and archival materials within the “historical journalism” tasks framework the influence on the screen document with reality relationship from the side of the author and the viewer, who can perceive the historical TV program on different or several levels at once: as information, analytics or artistic journalism, is shown.

Keywords. Mediatization, television, history, archives, cultural memory.

Funding. The publication of the article was financed by Saint Petersburg State University based on the results of the competitive selection of scientific events recommended for implementation.

Article info. Received January 16, 2025; revised March 28, 2025; accepted March 31, 2025; available online June 10, 2025.

For Citation. Miasnikova M.A. Historical and Archival Television Programs in the Context of the “Memorial Turn”. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2025, vol. 14, no. 2, pp. 354–369. (In Russian). EDN: [FFEUMX](#). DOI: 10.17150/2308-6203.2025.14(2).354-369.

** The materials were discussed at the XXVIII International Scientific and Practical Conference “Journalism of the XXI Century (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, November 22–23, 2024)”.

Введение

Характерные тенденции в практике современного отечественного телевидения — освоение российских реалий не только вширь (в географическом смысле) — в программах о путешествиях, но и вглубь (в историко-архивном смысле) — в экранной продукции об истории нашей страны и культуры. Как пишут специалисты, проблема конструирования истории на экране становится популярным направлением современных междисциплинарных исследований, касающихся не только теории и истории культуры, антропологии, социологии, психологии, политологии, но и теории и практики СМИ, в том числе экранных. Этим обусловлена актуальность темы данной статьи. Как пишет С.А. Колбасов, «специализация на сфере исторического знания и ориентация на обширную аудиторию являются ключевыми в определении... феномена особого журналистского творчества» [1] — исторической журналистики. Это могут быть телепередачи самых разных форматов: лекции, семинары, уроки, беседы, дискуссии, ток-шоу, тележурналы, телефильмы, обзоры, очерки и так называемые «репортажи из прошлого». Анализу историко-архивного контента в российском телепространстве и посвящено наше исследование. Цель его: изучение практики российского телевидения по сохранению коллективной культурной памяти страны. Задачи: 1) обзор научной литературы по теме статьи; 2) сопоставительный анализ понятий: академическая, популярная, прикладная, публичная история; культурная, историческая, коллективная память, «медиапамять» и цифровая память; 3) осмысление опыта российского телевидения в направлении «историческая журналистика», связанного с выполнением актуального социального заказа по сохранению культурной памяти народа; 4) анализ конкретных передач российского телевидения историко-архивной направленности

сти с точки зрения их сходства и различий в плане взаимоотношений экранного документа с реальностью. Соответственно объектом исследования выступает деятельность отечественного телевидения, связанная с освещением исторической темы; а предметом — конкретные историко-архивные телепрограммы. Методами исследования служат: обзор; сопоставление; наблюдение; анализ.

«Мемориальный поворот»

Сегодня в России актуален социальный заказ на изучение и освещение в СМИ истории и традиций нашей страны, обращение к воспоминаниям, дневникам, мемуарам, к культурной памяти народа. Причем, как пишут исследователи, это нужно для понимания и настоящего, и будущего. *«Культурная память, будучи социальной по своей природе и надындивидуальной по форме своего бытия, функционируя в качестве механизма негенетического отбора, сохранения и передачи социально значимого опыта, выступает одновременно и как способ сохранения прошлого в настоящем, и как условие преемственности исторического процесса»* [2, с. 14]. Однако всплеск интереса к теме памяти явно требует уточнения понятий. Как полагает Т.Э. Рагозина, необходимо разграничение, например, понятий «культурная память» и «историческая память». «Культурная память рассматривается автором как объективный механизм воспроизводства социокультурного целого. Историческая память характеризуется как опосредованное и политически ангажированное (идеологическое) отражение социальной действительности» [2, с. 12].

В настоящее время используется термин «коммуникативно-культурная память», в котором, как пишут, высвечиваются два полюса «одной оси, имя которой — коллективная память» [3, с. 47]. Исследователь же Д.С. Артамонов обнаруживает в цифровой среде новое явление

ние — «медиапамять», одновременно обладающее «характеристиками коммуникативной, культурной и цифровой памяти» [4, с. 66].

В свою очередь, С.Г. Корконосенко, ссылаясь на звучащие среди исследователей журналистики и науковедов призывы к обновлению подходов, концепций и фундаментальных парадигм, а также к использованию новых понятий и терминов, предлагает ввести активно используемое в научной литературе, но не получившее единого определения понятие «социальный заказ», толкуя его как совокупность потребностей общества, выраженную «в виде задач, выполнение которых ожидается от данного субъекта деятельности в актуальном социально-временном пространстве» [5, с. 14–15]. В качестве субъекта рассматривается журналистика. А для адаптации представлений о социальном заказе непосредственно к ее деятельности предлагается отграничить предъявляемый к ней социальный заказ, исходящий, в частности, от органов власти, партийно-политических и частнособственнических структур, не всегда, как известно, учитывающих потребности и интересы ответственности. «Источником социального заказа в его исходном понимании выступает общество» [5, с. 17], — утверждает исследователь.

Усиление интереса к проблемам прошлого наблюдается во всем мире. Чем это объяснить? Немецкая исследовательница Алейда Ассман пишет, что наша эпоха характеризуется уходом из жизни свидетелей страшных событий минувшего века (тотальной трансформацией живой памяти в историю); эпохой системного поколенческого кризиса интерпретации прошлого (устаревания содержательных и методологических оснований мемориальных стратегий послевоенных поколений); эпохой, на долю которой приходится выработка новой мемориальной культуры. А. Ассман на-

зывает ее эпохой «нового недовольства мемориальной культурой» [6, с. 72].

Под «мемориальной культурой», или «культурой памяти» здесь подразумевается особый набор действий, направленных на сохранение коллективных воспоминаний. Культура, — по словам М.Л. Шуб, — выступает как технология, как «совокупность разнообразных форм мемориальной деятельности (сохранение, поддержание, трансляция, трансформация памяти), реализуемых как в институционально инициированном (официальные коммеморативные практики, деятельность СМИ), так и в спонтанно-инициативном (стихийная коммеморация, частные мемориальные инициативы) форматах» [7, с. 143].

Обозначившийся на стыке XX–XXI вв. «мемориальный поворот», называют одним из методологических поворотов, «кардинально изменивших облик современной исторической науки». [8, с. 59]. Причем, этот «мемориальный поворот можно воспринимать не только как новую тенденцию в исторической и других гуманитарных науках, но и как показатель перемен в самом обществе, как одно из проявлений широкого “мемориального движения” или, по удачному выражению П. Нора, “всемирного торжества памяти”», — пишет О.Б. Леонтьева, далее уточняя: «Сущность этого поворота состоит в том, что предметом исследования для историков все чаще становится не историческое событие или явление как таковое, а сама память о прошлом, живущая в сознании общества: ее содержание, способы трансляции, социальные функции» [8, с. 60, 59].

Сегодня профессиональные историки все активнее занимаются популяризацией истории. Усиливается интерес к прошлому и у частных лиц, что выражается в изучении ими ушедших обычаев, привычек, повседневного быта. Набирает популярность понятие «публичная история», располагаясь между двумя

«противоположностями» — историей профессиональной и популярной. Предмет и объект истории перемещаются «от изучения традиционных направлений истории к исследованию практик, идей, людей <...> Публичная история может означать историю для публики, историю публики, историю, создаваемую самой публикой или при ее участии» [9].

Чтобы получить наиболее полное представление о публичной истории, исследователи устанавливают различия между академической, популярной и прикладной историей. Академическая история отстаивает существование объективного знания. При этом «сложность отношений профессиональной истории с ее общественным восприятием является одной из важнейших проблем академического сообщества» [9]. А вот популярной истории удастся находить свой путь к потребителю через эмоции. В свою очередь, прагматическое использование истории означает термин «прикладная история». И здесь находятся ее точки пересечения с «публичной историей».

В конечном итоге специалисты определяют *public history* не как науку, не как специальную академическую дисциплину, «которой занимаются профессионалы, а как часть публичного пространства» [10]. История теперь существует «в двух ипостасях: с одной стороны, как представленное в работах профессиональных историков знание о прошлом и, с другой стороны, — как образ этого прошлого в коллективной памяти» [9]. Становясь привлекательной для публики, история стыкуется с массовой культурой. Материальная культура и память с разных сторон пополняют наши знания о прошлом.

Однако насколько объективны эти знания? История неотделима от памяти. Но если изучать не историю события, а память о нем, откуда же тогда взяться достоверности? Ведь память субъективна. Конечно, полной объективности не могут обеспечить ни память, ни даже ма-

териальная культура. При рассмотрении первой как исторического источника необходимо «учитывать и субъективную, и социальную природу памяти. Даже материалы из архива не могут претендовать на объективность, так как подбирались определенными людьми, руководствующимися своими субъективными принципами» [9]. Вторая же подвергается «влиянию внешних факторов — природных катаклизмов, изменений климата, некоторых социальных процессов» [9].

Немалую роль в стабилизации памяти об исторических событиях и превращении их в коллективные воспоминания играют СМИ.

Медиатизация памяти

Растущее влияние СМИ на общественное и индивидуальное сознание выдвигает на повестку дня вопрос медиатизации коллективной памяти. Что есть медиа? Т.Н. Владимирова и В.А. Славина [11, с. 648], ссылаясь на И.В. Кирию и А.А. Новикову, определяют медиа как «медиатизированные коммуникации». <...> Немедиатизированные коммуникации мы используем непосредственно, они даны нам самой природой (устная речь, жесты), тогда как медиатизированные предполагают применение тех или иных видов приспособлений для осуществления актов коммуникации [12]. Трактовки нескольких терминов: «медиатизация», «медиация», «медиация» мы встречаем у целого ряда зарубежных и отечественных ученых, таких как: Дж. Б. Томпсон (1995), Н. Коулдри (2003), В. Шульц (2004), Р. Сильверстоун (2006), С. Хьярвард (2008), Ф. Кротц (2009) [13–18], Л.М. Землянова (2002), И.В. Рагозина (2003), Н.Б. Кириллова (2006), Д.И. Шаронов (2008) [19; 2; 20; 21].

Как пишет Д.С. Артамонов, феномен медиатизации был замечен исследователями в середине 1990-х гг. Медиа перестали только сообщать информацию. А.Н. Гуреева и В.С. Кузнецова уточняют:

«Трансформация информационно-коммуникационных технологий в цифровую эпоху еще больше расширяет проникновение медиакоммуникаций во все сферы социальной жизни» [22, с. 193]. Д.С. Артамонов подтверждает усиливающую роль медиа: «Они, имея возможность транслировать и навязывать культурные образы, начали определять содержание и форму социальных практик и взаимодействие аудиторий» [4, с. 70]. Интернет-пользователи выступают теперь не только потребителями, но и создателями исторического контента, транслирующего образы прошлого.

То есть, по наблюдению Г.М. Агеевой, информационные технологии позволили расширить... круг лиц, создающих и потребляющих информацию мемориального свойства [23, с. 68–74]. Причем, пользователи, создавая в социальных сетях свои версии определенного периода, порой ориентируются, как указывает В.Н. Мерзлякова вовсе не на собственные воспоминания, а на информацию из медиаисточников и образы популярной массовой культуры [24]. В итоге Д.С. Артамонов заключает, что к возникновению медиапамяти «как особого виртуального механизма конструирования представлений о прошлом» привели процессы медиатизации коллективной памяти в цифровой среде. «Процесс цифровизации архивов, документов и вообще всей информации, а также инструментов познания и репрезентации представлений о прошлом позволяет говорить о превращении коллективной памяти в цифровую». [4, с. 66, 79].

Однако руководитель Школы культуры НИУ ВШЭ В.А. Куренной, полагает, что цифровизация вовсе не уничтожает аналоговую память, создание цифровых фондов исторических материалов не приводит к обесцениванию оригиналов. Не следует испытывать эйфорию и по поводу того, что мы теперь живем в новой реальности. «Люди коммуницируют сегодня

в цифровой форме, а институты сохранения культурной памяти не цифровы. <...> Некоторые интернет-сервисы могут... внезапно пропасть. <...> А это означает, что (вспоминая Платона), мы должны друг друга поблагодарить за чудо аналоговой коммуникации» [25]. Поэтому медиа активно пользуются сегодня и аналоговой памятью тоже. Как видим, интерес к архивам не иссякает, а в самой дигитализации есть свои существенные риски.

Что касается влияния медиа (в процессе формирования той или иной картины мира) на мышление и способы коммуникации отдельно взятой личности, с одной стороны, и, в целом, на коллективную память, с другой, то, на наш взгляд, это влияние все-таки не сводится к абсолютному подчинению современного человека и общества логике тех или иных медиа. Те, в свою очередь, занимаются и просветительской деятельностью, отвечая задачам «исторической журналистики» (включая телевизионную), характеристиками которой являются интерес к исторической тематике и обращение к широкой аудитории. Хотя здесь также остаются риски, связанные с проблемой достоверности сообщаемого исторического материала. Особенно, как пишет Парамонова, когда речь идет, к примеру, о телесериалах. «Сейчас, в эпоху массовых коммуникаций, они стали одним из наиболее эффективных инструментов публичной истории и фактором сохранения массовой исторической памяти» [26, с. 137]. Порой они даже конкурируют с учебниками и лекциями. Но сильна в них и доля художественного вымысла.

С проблемой фальсификации кинофото документов сталкиваются и архивисты. «Изучая киноматериалы и прессу, историки кино и архивисты убедились в том, что из-за отсутствия подлинных хроникальных съемок с мест событий режиссеры при монтаже фильмов с давних времен применяли подделки. <...> Но в последнее время наметилась пробле-

ма, которую еще недавно и представить было невозможно, — наряду с некорректным использованием исторической кинохроники появилась техническая возможность “вторжения” в само изображение кинокадра, <...> возможность с помощью компьютерных технологий внести изменения в оцифрованные кино- и видеодокументы — убрать по желанию “ненужное” или, наоборот, добавить отсутствующее» [27, с. 60; 61]. Поэтому сегодня разрабатываются методы выявления подобных фальшивок.

Безусловно влияет на отношения кинодокумента с реальностью сам его автор. «Кинодокументы, отражающие авторское кредо, субъективны. Даже самый беспристрастный автор выбирает, что снимать, в какой последовательности монтировать кадры, к какому сюжету привлечь внимание зрителя (с помощью крупного плана, стоп-кадра и др.). <...> Следует иметь в виду, что невозможно рассматривать документальное кино как киноэквивалент реальной жизни, достоверное “зеркало эпохи”, безличное и внеконъюнктурное» [28]. Об этом толкуют и архивисты, и киноведы. «Мудрый апостол документалистики Джон Грирсон еще в тридцатые годы определил документальный фильм как “творческую интерпретацию действительности”, — замечает Г.С. Прожико. — Почему-то в многочисленных цитированиях этого тезиса не обращается внимание на ключевое понятие: “творческая интерпретация”, где сосредоточено основное понимание сущности преобразования просто реальности в “кинореальность”» [29, с. 122].

Любопытно, что субъективный фактор влияет и на восприятие экранного документа зрителем, требуя от него самостоятельности и творчества в вычлениении и усвоении тех или иных аспектов экранного текста. И как историки отделяют исторический документ от мемуарного свидетельства — «мемуара»,

так и «вся кинохроника, — по мнению Г.С. Прожико, — мемуар, отличающийся от исторического документа наличием субъективной трактовки посредством способа запечатления исторических фактов» [29, с. 123], как и характера восприятия их зрителем.

Причем, обратим внимание, что на восприятие телезрителя влияют еще и особенности телевидения, транслирующего кинокадры. Когда-то Г.М. Маклюэн относил кино к «горячим» медиа, а телевидение — к «холодным». Это означало, что кино более насыщено информацией и обладает большей определенностью, чем телевидение [30]. Телеизображение же выглядит как точечная мозаика, значение которой зритель вынужден буквально расшифровывать. К телезрителю поступают десятки миллионов единиц информации, а переработать он может менее сотни. Это означает, что процесс телевосприятия осуществляется в условиях, как писал Л.В. Петров, «большого уровня зрительных и слуховых помех, которые, проникая в наше зрительское сознание вместе с изображением и звуковым сопровождением телепроизведения, вытесняют часть содержащейся в нем информации» [31, с. 123–124]. Считается, что телевосприятие поверхностно. Однако причины рассеянного телевосприятия, по нашему мнению, связаны не с легкостью протекания этого процесса, а, наоборот, с его затрудненностью. Нередко мешают восприятию и домашние условия. Зритель не сосредоточен до конца, не вовлечен в зрелище. Чтобы погрузиться в него, ему требуются особые усилия [32]. Многообразие телевизионных зрелищ соответствуют «очень разные системы восприятия и способы реагирования» [33, с. 69], — писал исследователь Л.К. Козлов. Та же Г.С. Прожико подчеркивает: «Нужно принимать во внимание разные слои документа, запечатленные в каждом кадре:

и смысловые, и эмоциональные, и порожденные разным контекстом восприятия...» [29, с. 126].

Историческое телевидение

Дальнейшее рассмотрение трех телепрограмм канала «Россия К» позволит нам показать, что может сделать для реализации задач познавательной исторической журналистики телевидение, которое начало проявлять новый интерес к истории в 1990-е гг. Все более широкую аудиторию стали завоевывать документальные циклы: «Загадки истории» Эдварда Радзинского, «Кто мы?» и «Дело N» Феликса Разумовского, «Русские тайны. XX век» Алексея Денисова и другие.

Программа «Власть факта» впервые появилась в эфире в 2000 г. и сразу же получила диплом Всероссийского конкурса на лучшую телевизионную программу, подготовленную к 55-летию Победы. Ее ведущими в разные годы были известные профессиональные историки Наталья Басовская, Андрей Виноградов, Сергей Кудряшов и др. Программа существует на канале «Россия К» до сих пор. Теперь ее ведет политолог, специалист по политической философии, журналист и публицист, президент Института национальной стратегии Михаил Ремизов. Проект не раз удостоивался различных наград: в 2007 г. он получил специальный диплом «За пристальный взгляд в историю» на IV Всероссийском телефестивале научно-образовательных и просветительских программ «Разум. XXI век». А в 2018 г. стал лауреатом Первого всероссийского конкурса «Иран в медиапространстве России» и удостоен почетного приза за сюжет «Итоги исламской революции».

Это культурно-познавательный проект исторической направленности. «В фокусе внимания ведущего и его собеседников, как правило, находится целая эпоха, отдельное знаменательное событие или историческая личность» [34, с. 174]. В анонсе к программе говорит-

ся: «Судьбы, факты, явления — взгляд сквозь время глазами историков наших дней. История, какой мы ее помним, и история с точки зрения тех, кто знает все ее детали. Неизвестные штрихи и забытые подробности минувшего, актуальные проблемы дня сегодняшнего и их исторические корни — темы историко-публицистической программы “Власть факта”»¹. Само присутствующее в заглавии анонса слово «шоу» свидетельствует о первоначальном стремлении авторов соединить в этой программе историю и память, популяризировать историю и сделать цикл не только полезным, но и занимательным для зрителя.

Данная мысль подтверждается словами одного из тогдашних ведущих Андрея Виноградова: «Я впервые тружусь на телевидении, и мне было очень интересно работать над этой программой <...> При подготовке передачи самое важное для меня — выбрать верный тон: не слишком научный, но и не совсем уж популярный. Зрителям должно быть интересно!»². И, как пишут, верный тон был найден. «Программа динамична, но ее содержание отнюдь не поверхностно, сюжеты раскрываются с научной точки зрения, но в павильоны никогда не проникает многовековая академическая скука, и здесь никогда не перевирают факты в угоду новомодным теориям или популярным историческим мифам»³.

Действительно, на фоне многочисленных псевдоисторических и историко-развлекательных программ «Власть факта» старается сохранить определенную долю академической строгости. В студию приглашаются серьезные историки с разной специализацией, которые ведут

¹ Сюжет телешоу «Власть факта» // URL: https://kino.mail.ru/tvshow_809275_vlast_fakta/ (дата обращения: 9.12.2024).

² Шоу «Власть факта», фото, видео // Вокруг ТВ // URL: https://www.vokrug.tv/product/show/vlast_fakta/ (дата обращения: 9.12.2024).

³ Там же.

настоящие научные дискуссии, развивая идею о том, что уроки российской истории сегодня весьма актуальны. Соответствуют этому постулату и темы, которым посвящены отдельные выпуски. Например: «Сила и слабость советского планирования» (2010), «Пробуждение Азии: история успеха» (2016), «Старообрядчество и капитализм» (2018), «Лоскутная империя Габсбургов» (2021), «Русское войско и реформы XVII столетия» (2023). Передача содержит также видеосюжеты, демонстрируемые в ее начале как «визуальные анонсы» избранной для обсуждения темы, как небольшой набор исторических сведений под заголовком «История вопроса». Обычно «в них представлены визуальные источники, результаты социологических опросов, статистические данные» [35, с. 412]. Эти вставки представляют собой «окна с иллюстрациями и печатающимся вслед за закадровым голосом текстом. Беседу экспертов несколько раз логически прерывают исторические справки, сопровождающиеся закадровым текстом. Исторические вставки поясняют темы беседы ведущего и экспертов» [34, с. 176]. И еще. «Внимания заслуживает и операторская работа. Общий план трех собеседников чередуется с крупными планами ведущего и экспертов. Камера снимает как статично, так и в движении. Внимание зрителя удерживают необычные углы съемки, например, крупный план эксперта из-за декорации в студии. Кроме того, оператор может менять фокус во время съемки с одного человека на другого, что также является художественным приемом. Музыкальное решение на фрагментах с закадровым текстом тоже оказывает влияние на эмоции зрителя» [34, с. 177]. Но в конечном итоге программа исключительно информативна. Фактический материал разворачивается перед зрителем постепенно и последовательно.

Вот один из отзывов: Это «замечательный проект, посвященный вопросам

истории в различных ее аспектах (и не только!), где за короткое время можно получить информацию, которую пришлось бы долго выбирать и собирать иным способом, где ведущий — человек с авторитетом, интеллектуал, где хорошо построенные диалоги с гостями»⁴.

Второй из разобранных нами циклов «Запечатленное время» возник в 2012 г. с неизменным ведущим, главным специалистом Российского государственного архива кинофотодокументов Виктором Николаевичем Баталиным. В основе цикла — киноматериалы РГАКФД, расположенного в Красnogорске. Этот архив был создан 12 октября 1926 г. Сейчас он представляет собой одно из крупнейших кинохранилищ мира. Почти за 100 лет архивисты накопили огромный опыт по собиранию, восстановлению, датировке разрозненных дореволюционных и советских киноматериалов, а также опознанию людей и объектов, запечатленных на пленке. Как пишет Г.Е. Малышева, «в последнее время существенную помощь в расшифровке архивных кинодокументов стали оказывать отдельные кинематографисты и профессиональные историки» [27, с. 57].

Просветительский цикл «Запечатленное время» был создан для канала «Россия К» телекомпанией «Голд Медиа» как раз для того, чтобы рассказывать зрителям об истории снятых на пленку событий. В ходе беседы с приглашенными специалистами многое из показанного на экране проясняется и уточняется. В каждом выпуске демонстрируются хроникальные кадры из документальных фильмов, снятых в XX в. Каждый выпуск посвящен тому или иному знаменательному событию или неординарному явлению из российской истории: первым Всероссийским Олимпийским Играм, прошедшим в 1913 г.; Императорскому

⁴ «ТВ-программа «Власть факта» — моя любимейшая передача!» / 14 окт. 2017 г. // URL: https://otzovik.com/review_5494448.html (дата обращения: 9.12.2024).

Балтийскому флоту; Российским железнодорожным войскам царской армии; зарождению в России алмазной промышленности; моде 1956 г.; подготовке и проведении в июле 1957 г. в Москве Всемирного фестиваля молодежи и студентов; градостроительной советской реформе; московскому парку культуры и отдыха имени М. Горького и т.д.

К примеру, о выпуске «Парк советского периода» на сайте канала «Россия К» написано: «Идеальный парк для отдыха советских людей. Как он должен выглядеть? Ответ появился в 1928 году, когда в Москве был открыт парк культуры и отдыха, чуть позже получивший имя Максима Горького. В парке было все, о чем только могли мечтать трудящиеся столицы. Посмотреть на него приезжали люди со всей страны»⁵. Экспертом в этой программе выступила Елена Соболева, заведующая историко-культурным сектором Центрального парка культуры и отдыха имени Максима Горького. За кадром звучит голос, сопровождавший старую пленку, и современный закадровый комментарий, сообщающий о состоянии парка сегодня, объясняющий смысл демонстрируемых на экране фотографий. В кадре же мы видим постоянного ведущего и приглашенного специалиста по теме фильма. Из передачи мы узнаем, что в парке проводились карнавалы, располагались выездные библиотеки, точки общепита — небольшие ресторанчики и кафе. Организации устраивали выезды на отдых в парк своих передовиков производства, награжденных за ударный труд. Их детей при этом помещали в детские городки. Для взрослых строились бассейны, устанавливались тренажеры, места для массовых игр, аттракционов, выражаясь современным языком — флэш-мобов. Позже здесь проходили рок-концерты группы Стаса Намина,

которая стала потом называться «Парк Горького».

Всего за прошедшее время вышло более 120 серий цикла «Запечатленное время». Как написано на сайте канала «Россия К», «использование архивных материалов делает программе очень достоверной, а выступление экспертов добавляет ей красочности и выразительности»⁶. Анализируемый цикл активно нацелен на выявление реальных фактов. Его название совпадает с названием знаменитой книги режиссера Андрея Тарковского «Запечатленное время», в которой он писал: «С появлением документального кино человек получил в свои руки матрицу реального времени». Хотя, как мы уже выяснили, это всего лишь иллюзия.

Третий историко-архивный цикл передач стартовал в эфире телеканала «Россия К» 11 апреля 2022 г. Его название — «Почерк эпохи». Все названия — говорящие. В последнем явно просвечивает что-то индивидуальное, личное. Так оно и есть. Почерк индивидуален, люди уникальны. И даже эпоха имеет свой почерк, который явно отражается на людях.

Данный цикл строится иначе, чем «Запечатленное время», в котором мы, прежде всего, получаем информацию из популярной, прикладной, публичной истории для массового потребителя, каждый раз ощущая авторский взгляд хроникеров. Это проявляется и в закадровом голосе, и в способах съемки и монтажа. Тогда как в «Почерке эпохи» разговор переходит на уровень не только эмоционального, образного, но и интеллектуального общения (скажем откровенно, «не для всех» за счет неспешного «знакомства» с бесценными письменными (бумажными) и иконическими (аналоговыми) документами, связанными с яркими творческими личностями, которых давно уже нет. Все это нахо-

⁵ URL: https://programma-peredach.com/kanal_kultura/zapechatlennoe-vremya/ (дата обращения: 9.12.2024).

⁶ URL: https://www.vokrug.tv/product/show/zapechatlennoe_vremya (дата обращения: 9.12.2024).

дится сегодня в богатейшем хранилище материалов по отечественной истории и культуре — Российском государственном архиве литературы и искусства.

«Этот архив был основан в 1941 году. Он объединил профильные коллекции многих других отечественных архивных фондов, музеев, библиотек и в дальнейшем планомерно эту сокровищницу пополнял. В 1997 году Указом Президента РФ РГАЛИ был включен в Государственный Свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации. <...> Мы думаем, что знаем все о людях, оставивших столь яркий след в нашей культуре. Но мемориальные предметы и тексты, хранящиеся в архиве, открывают новые страницы их биографий и творческих судеб» [36].

В телепрограмме изначально принимали участие историки искусств, в том числе: кино, театра, литературы, специалисты архива и читающий вслух стихотворные и прозаические строки великих поэтов и писателей обаятельный актер Кирилл Кяро, демонстрирующий нам пожелтевшие артефакты; рассматривающий реальные почерки знаменитых актеров и литераторов; изучающий совместно со специалистами черновые варианты рукописей, с зачеркнутыми строками и многочисленными исправлениями. В этих двух только что названных телепрограммах — два разных объекта внимания: с одной стороны, кинофото-документы для масс с их общими, стереотипными интересами и привычками, с другой, — реальные, уникальные предметы, которых касались руки не просто уникальных людей — гениев. Героями цикла «Почерк эпохи» становились Ф. Достоевский, С. Эйзенштейн, М. Плисецкая, М. Цветаева, М. Зощенко, А. Платонов, Н. Островский, С. Образцов, Р. Зелена, Ф. Раневская, С. Лифарь, И. Ильф, Е. Петров, В. Катаев и другие.

Режиссер проекта Павел Снегин говорит: «Очень интересная задача и очень

непростая: как объять необъятное и вычленишь из него крупицу? Благодаря сотрудниками РГАЛИ все получилось: зритель прикоснется к уникальным материалам, у которых не существует аналогов. Ничего подобного нет даже в интернете — что удивительно для нашего времени. В проекте будет много неожиданных открытий — например, мы познакомимся с главами, которые не вошли в роман “12 стульев”, и узнаем много нового и о персонажах, и о создателях этого произведения» [36].

Различия между изученными нами всеми тремя телепрограммами очевидны: в одной серьезные академические ученые-историки ведут дискуссии о целых исторических эпохах на основе реальных исторических документов и фактов («Власть факта»); в другой архивист и приглашенный специалист по определенной теме, глядя на экран, обсуждают содержание старой кинохроники, смонтированной когда-то в соответствии с авторской трактовкой событий («Запечатленное время»); в третьей актер и сотрудник архива разбирают подлинные документы и рукописи из личных архивов выдающихся деятелей российской литературы и искусства, передавая зрителю собственные ощущения от встречи с ожившей историей конкретных людей и культурной памятью о них («Почерк эпохи»).

В одном случае в центре внимания — непреложные исторические факты, прокомментированные профессиональными историками; в другом — кинохроника, которая может быть растиражирована на неограниченное число копий; в третьем — реальные, существующие в единственном числе, уникальные рукописи и предметы, которые можно потрогать руками. Но во всех трех случаях, чтобы преодолеть препятствия в восприятии исторического материала, требуются эксперты.

Каждый раз на экране возникает медиатизированная история. История, опосредованная медиа. Потрогать ничего нельзя. Во всех трех случаях между

нами и тем, что возникает на телеэкране, существует посредник — недремлющее «телеоко» с целым набором выразительных возможностей и технических средств, включая кадр, план, ракурс, монтаж, свет, цвет, слово, звук, музыку, шумы. А главное — во всем ощущается авторский взгляд создателей программ. «Крупница» из «необъятного» вычленяется вполне осознанно, по заранее написанному сценарию. В результате мы видим то, что нам показывают. И слышим то, о чем нам говорят. Но воспринимаем лишь то и в той степени, в какой мы сами этого хотим: на уровне информации, аналитики или художественной публицистики. Так возникает многослойная коллективная память, состоящая из частиц памяти каждого отдельного человека.

Заключение

Подводя итог, скажем, что в данной статье была обоснована необходимость изучения происходящего на наших глазах, изменившего облик современной исторической науки так называемого «мемориального поворота» и очерчен круг связанных с ним нерешенных проблем теоретического и практического характера, рассмотренных в нескольких аспектах.

Во-первых, в ходе исследования мы уточнили понятия, связанные с явлением «мемориальный поворот», поскольку с самого начала обнаружили серьезные расхождения среди современных исследователей в трактовке этих понятий. Во-вторых, нами была выявлена болевая точка во взаимоотношениях профессиональной истории и ее общественного восприятия, часто не совпадающего с точкой зрения ученых. При этом история неотделима от памяти, которая наряду с материальной культурой служит важным историческим источником. Но память субъективна. В результате перед нами закономерно встает вопрос о степени достоверности исторических знаний, бытующих в обществе и транслируемых медиа, которые,

с одной стороны, способны стабилизировать память об исторических событиях, а с другой, фальсифицировать ее. Отсюда главное внимание в статье было уделено изучению влияния медиа на отдельную личность и коллективную память в целом. Было подчеркнуто, что это влияние не сводится к абсолютному подчинению, поскольку, отвечая задачам «исторической журналистики», медиа (и, в частности, телевидение) занимаются также и просветительской деятельностью. Хотя и здесь остаются риски, связанные с проблемой достоверности исторического материала, содержащегося, в частности, в бесконечных телесериалах (байопиках) или в хронике, воссоздаваемой с применением новейших технологий. В-третьих, в статье было отмечено, что круг лиц, связанных с информацией мемориального свойства, сегодня неимоверно расширился за счет интернет-пользователей, выступающих не только в качестве потребителей, но и создателей исторического контента, самостоятельно транслирующих в сетях и блогах образы прошлого, черпая знания отнюдь не из собственной памяти, а из медиаисточников самого разного, а порой и сомнительного свойства. И здесь, как было показано в статье, важную роль играет и автор медийного текста, вовсе не являющегося экранным эквивалентом реальной жизни, и зритель, воспринимающий и интерпретирующий этот текст по-своему. В-четвертых, нами были продемонстрированы возможности государственного эфирного телевидения в реализации задач познавательной «исторической журналистики» на примере трех программ, идущих сегодня на канале «Россия К».

Исследование заявленной темы может быть продолжено на разнообразном материале эфирных и сетевых исторических и псевдоисторических телепрограмм и сюжетов, а также в ходе изучения аудитории, потребляющей подобный контент.

Список использованной литературы

1. Колбасов С.А. Историческая журналистика как способ реализации просветительской функции на современном российском телевидении / С.А. Колбасов. — EDN [PQSKMU](#) // Молодой ученый. — 2021. — № 50 (392). — С. 120–122.
2. Рагозина Т.Э. Культурная память versus историческая память / Т.Э. Рагозина. — EDN [ZRDTMD](#) // Наука. Искусство. Культура. — 2017. — № 3(15). — С. 12–21.
3. Межпоколенческая трансляция коммуникативно-культурной памяти в эпоху цифровизации / Г.Д. Саймонс, М.Ю. Мухин, В.Ф. Олешко [и др.]. — Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2021. — 204 с. — EDN [CAUVBQ](#).
4. Артамонов Д.С. Медиапамять: теоретический аспект / Д.С. Артамонов. — DOI 10.46539/gmd.v4i2.269. — EDN [VMYQVR](#) // Galactica Media: Journal of Media Studies. — 2022. — Т. 4, № 2. — С. 65–83.
5. Корконосенко С.Г. Социальный заказ в журналистике: к постановке вопроса / С.Г. Корконосенко. — EDN [SBVDLM](#) // Журналистика XXI века: социальный заказ : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 22–23 нояб. 2024 г. — Санкт-Петербург, 2024. — С. 11–18.
6. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / А. Ассман. — Москва : Новое литературное обозрение — 2016. — 232 с.
7. Шуб М.Л. Специфика презентации мемориального контента в пространстве региональных медиа / М.Л. Шуб. — DOI 10.47475/2070 0695-2021-10216. — EDN [DELJIE](#) // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2021. — № 2 (40). — С. 143–148.
8. Леонтьева О.Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке / О.Б. Леонтьева. — EDN [TJVQYP](#) // Диалог со временем. — 2015. — № 50. — С. 59–96.
9. Пожидаева И.В. Историческое знание на российском телевидении: проблемы формирования Public History / И.В. Пожидаева. — EDN [UHGDRL](#) // Бизнес. Общество. Власть. — 2015. — № 23. — С. 116–130.
10. Завадский А. «Мы всегда находимся в зоне интерпретации исторического факта»: Андрей Зорин о публичной истории / А. Завадский // Theory&Practice. — URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/7566-zorin>.
11. Владимирова Т.Н. Медиакритика: между теорией и практикой / Т.Н. Владимирова, В.А. Славина. — DOI 10.17150/2308-6203. — EDN [YTCWEH](#) // Вопросы теории и практики журналистики. — 2018. — Т. 7, № 4. — С. 646–659.
12. Кирия И.В. История и теория медиа : учебник / И.В. Кирия, А.А. Новикова. — Москва : Изд-во НИУ ВШЭ, 2017. — 281 с.
13. Thompson J.B. The Media and Modernity: A Social Theory of the Media / J.B. Thompson. — Cambridge, 1995. — 314 p.
14. Couldry N. Media Rituals: A Critical Approach. Routledge / N. Couldry. — London : Routledge, 2003. — 185 p.
15. Schultz W. Reconstructing Mediatization as an Analytical Concept / W. Schultz // European Journal of Communication. — 2004. — Vol. 19, no. 1. — P. 87–101.
16. Silverstone R. Media and Morality: On the Rise of the Mediapolis / R. Silverstone. — Cambridge : Polity Press, 2006. — 215 p.
17. Hjarvard S. The Mediatization of Religion: A Theory of the Media as Agents of Religious Change / S. Hjarvard. — DOI 10.1386/nl.6.1.9/1 // Northern Lights. — 2008. — Vol. 6, no. 1. — P. 9–26.
18. Krotz F. Mediatization: A Concept with Which to Grasp Media and Societal Change / F. Krotz // Mediatization: Concept, Changes, Consequences / ed. K. Lundby. — New York : Peter Lang, 2009. — URL: <https://johnpostill.com/2010/03/01/notes-on-krotz-2009-mediatization/>.
19. Землянова Л.М. Медиазация культуры и компаративизм в современной коммуникативистике / Л.М. Землянова // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2002. — № 5. — С. 83–97.
20. Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну / Н.Б. Кириллова. — Москва : Академический проект, 2006. — 453 с. — EDN [SULMNP](#).
21. Шаронов Д.И. О коммуникативном смысле медиатизации / Д.И. Шаронов. — EDN [KAMJOJ](#) // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. — 2008. — № 2. — С. 234–239.
22. Гуреева А.Н. Концептуализация феномена медиатизации политики: основные теоретические подходы / А.Н. Гуреева, В.С. Кузнецова. — DOI 10.17150/2308 6203.2021.10(1).191-205. — EDN [KEQXJJ](#) // Вопросы теории и практики журналистики. — 2021. — Т. 10, № 1. — С. 191–205.

23. Агеева Г.М. Медиатизация памяти: мемуарные свидетельства в блогах и социальных сетях / Г.М. Агеева. — EDN [PEXYGR](#) // Вестник Томского государственного университета. — 2012. — № 363. — С. 68–74.
24. Мерзлякова В.Н. Медиатизация коллективной памяти о 1990-х гг. в Рунете / В.Н. Мерзлякова. — DOI 10.28995/26867249-2019-8-289-302. — EDN [PHKCCJ](#) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. — 2019. — № 8–2. — С. 289–302.
25. Куренной В.А. Цифровые медиа и культурная память: парадоксы новой медиасреды / В.А. Куренной // Смена. — URL: <https://s-m-e-na.org/2022/12/09/kurennoj-cifrovye-media/>.
26. Парамонова Е.А. Телевидение как инструмент «публичной истории» и фактор сохранения исторической памяти / Е.А. Парамонова. — EDN [XGLGCL](#) // Культурная память и культурная идентичность : материалы Всерос. науч. конф., Екатеринбург, 25 марта 2016 г. — Екатеринбург, 2016. — С. 134–137.
27. Малышева Г.Е. Российский государственный архив кинофотодокументов: проблемы научной обработки аудиовизуальных документов и возможности противодействия фальсификации исторической кинохроники. / Г.Е. Малышева. — DOI 10.13187/ra.2016.11.57. — EDN [VWPYST](#) // Русский архив. — 2016. — Т. 11, № 1. — С. 57–64.
28. Симоненко Л.О. Кинодокументы краеведческой тематики как исторические источники для научного исследования / Л.О. Симоненко // Философско-культурологические исследования. — URL: <https://fki.lgaki.info/2017/04/20/л-о-симоненко-кинодокументы-краеведч/>.
29. Прожико Г.С. Художественный и исторический потенциал экранного документа / Г.С. Прожико. — EDN [RXBWKA](#) // Проблемы истории и теории документального кино : сб. статей. — Москва, 2023. — С. 120–126.
30. Маклюэн Г.М. Понимание медиа: внешние расширения человека / Г.М. Маклюэн. — Москва : КАНОН-пресс-Ц, 2003. — 464 с. — EDN [QOCITE](#).
31. Петров Л.В. Структура художественной коммуникации (на материале произведений кинематографа и телевидения) / Л.В. Петров // Проблемы телевидения и радио : сб. статей. — Москва, 1967. — Вып. 1. — С. 123–124.
32. Мясникова М.А. Морфологический анализ современного российского телевидения : монография / М.А. Мясникова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. — 320 с. — EDN [QEXJPR](#).
33. Козлов Л.К. Заметки об искусстве кинематографа и эстетике телевидения / Л.К. Козлов // Вопросы киноискусства : сб статей. — Москва, 1976. Вып. 17. — С. 43–78.
34. Громова П.В. Передача «Власть факта. Павел I: одинокий император» (опыт рецензии) / П.В. Громова, С.С. Александров. — EDN [RGQMIR](#) // Филологические этюды. — 2023. — № 26. — С. 174–178.
35. Рыжкова О.В. Телересурсы по гражданской войне в России: в помощь преподавателю истории / О.В. Рыжкова. — EDN [SFWDFU](#) // Историко-педагогические чтения. — 2019. — № 23. — С. 411–418.
36. Соколова Н. Телепроект «Почерк эпохи» представляет все секреты архивов писателей / Н. Соколова. — 2022 // Российская газета. — URL: <https://rg.ru/>.

References

1. Kolbasov S.A. Historical Journalism as a Way of Implementing the Educational Function on Modern Russian Television. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2021, no. 50, pp. 120–122. (In Russian). EDN: [PQSKMU](#).
2. Ragozina T.E. Cultural Memory versus Historical Memory. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura = Science Arts Culture*, 2017, no. 3, pp. 12–21. (In Russian). EDN: [ZRDTMD](#).
3. Simons G.D., Mukhin M.Yu., Oleshko V.F., Oleshko E.V., Lozovsky B.N. *Intergenerational Translation of Communicative-Cultural Memory in the Era of Digitalization*. Yekaterinburg, Ural University Publ., 2021. 204 p. EDN: [CAUVBQ](#).
4. Artamonov D.S. Media Memory: Theoretical Aspect. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2022, vol. 4, no. 2, pp. 65–83. (In Russian). EDN: [VMYQVR](#). DOI: 10.46539/gmd.v4i2.269.
5. Korkonosenko S.G. Social Order in Journalism: To the Question. *Journalism of the 21st Century: Social Order. Materials of International Scientific Conference, Saint Petersburg, November 22–23, 2024*. Saint Petersburg, 2024, pp. 11–18. (In Russian). EDN: [SBVDLM](#).

6. Assmann A. *Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur*. München, Verlag C.H. Beck, 2013. 223 p. (Russ. ed.: Assmann A. *New Discontent with Memorial Culture*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016, 232 p.).
7. Shub M.L. On the Aspects of a Regional Mass Media Memorial Content Presentation. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya = Sign: The Problem Field of Media Education*, 2021, no. 2, pp. 143–148. (In Russian). EDN: [DELJIE](#). DOI:10.47475/2070 0695-2021-10216.
8. Leont'eva O.B. "Memorial Turn" in the Contemporary Russian Historical Studies. *Dialog so vremenem = Dialogue with Time*, 2015, no. 50, pp. 59–96. (In Russian). EDN: [TJVQYP](#).
9. Irina P. Historic Knowledge in Russian Media: Formation Problems of Public History. *Biznes. Obshchestvo. Vlast' = Business. Society. Power*, 2015, no. 23, pp. 116–130. (In Russian). EDN: [UHGDRL](#).
10. Zavadskii A. "We Are Always in the Zone of Interpretation of Historical Fact": Andrey Zorin on Public History. *Theory&Practice*. Available at: <http://theoryandpractice.ru/posts/7566-zorin>. (In Russian).
11. Vladimirova T.N., Slavina V.A. Media Criticism: Between Theory and Practice. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2018, vol. 7, no. 4, pp. 646–659. (In Russian). EDN: [YTCWEH](#). DOI: 10.17150/2308-6203.
12. Kiriya I.V., Novikova A.A. *History and Theory of Media*. Moscow, National Research University Higher School of Economics Publ., 2017. 281 p.
13. Thompson J.B. *The Media and Modernity: A Social Theory of the Media*. Cambridge, 1995. 314 p.
14. Couldry N. *Media Rituals: A Critical Approach*. Routledge. London, Routledge, 2003. 185 p.
15. Schultz W. Reconstructing Mediatization as an Analytical Concept. *European Journal of Communication*, 2004, vol. 19, no. 1, pp. 87–101.
16. Silverstone R. *Media and Morality: On the Rise of the Mediapolis*. Cambridge, Polity Press. 2006. 215 p.
17. Hjarvard S. The Mediatization of Religion: A Theory of the Media as Agents of Religious Change. *Northern Lights*, 2008, vol. 6, no. 1, pp. 9–26. DOI: 10.1386/nl.6.1.9/1.
18. Krotz F. Mediatization: A Concept with Which to Grasp Media and Societal Change. In Lundby K. (ed.) *Mediatization: Concept, Changes, Consequences*. New York, Peter Lang. 2009. Available at: <https://johnpostill.com/2010/03/01/notes-on-krotz-2009-mediatization/>.
19. Zemlyanova L.M. Mediatization of Culture and Comparativism in Contemporary Communication Studies. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika = Moscow University Journalism Bulletin*, 2002, no. 5, pp. 83–97. (In Russian).
20. Kirillova N.B. *Media Culture: From Modernity to Postmodernity*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2006. 453 p. (In Russian). EDN: [SULMNP](#).
21. Sharonov D.I. On Communicative Meaning of Mediatization. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika = Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism*, 2008, no. 2, pp. 234–239. (In Russian). EDN: [KAMJOJ](#).
22. Gureeva A.N., Kuznetsova V.S. Key Theoretical Approaches to Conceptualizing Mediatization of Politics. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2021, vol. 10, no. 1, pp. 191–205. (In Russian). EDN: [KEQXJJ](#). DOI: 10.17150/2308 6203.2021.10(1).191-205/.
23. Ageeva G.M. Mediatization of Memory: Memoirs Features in Blogs and Social Networks. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie = Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 2021, no. 363, pp. 68–74. (In Russian). EDN: [PEXYGR](#).
24. Merzlyakova V.N. Mediatization of the Collective Memory of the 1990s in Runet. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya = RSUH Bulletin. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural studies*, 2019, no. 8–2, pp. 289–302. (In Russian). EDN: [PHKCCJ](#). DOI: 10.28995/26867249-2019-8-289-302.
25. Kurennoi V.A. Digital Media and Cultural Memory: Paradoxes of the New Media Environment. *Smena*. Available at: <https://s-m-e-na.org/2022/12/09/kurennoj-cifrovye-media/>. (In Russian).
26. Paramonova E.A. Television as Instrument of "Public History" and a Factor of Keeping Historical Memory. *Cultural Memory and Cultural Identity. Materials of International Scientific Conference, Ekaterinburg, April 25, 2016*. Ekaterinburg, 2016, pp. 134–137. (In Russian). EDN: [XGLGCL](#).
27. Malysheva G.E. Russian State Archive of Film and Photo: Problems of Scientific Processing of Audiovisual Documents and the Possibility to Counter the Falsification of Historical Newsreels. *Russkii Arkhiv*, 2016, vol. 11, no. 1, pp. 57–64. (In Russian). EDN: [VWPYST](#). DOI: 10.13187/ra.2016.11.57.

28. Simonenko L.O. Film Documents on Local History Topics as Historical Sources for Scientific Research. *Philosophical and Cultural Studies*. Available at: <https://fki.lgaki.info/2017/04/20/л-о-симоненко-кинодокументы-краеведч/>. (In Russian).
29. Prozhiko G.S. Artistic and Historical Potential of the Screen Document. *Problems of History and Theory of Documentary Cinema. Collected Papers*. Moscow, 2023, pp. 120–126. (In Russian). EDN: [RXBWKA](#).
30. McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. Cambridge, MIT Press, 1994. 365 p. (Russ. ed.: McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. Moscow, KANON-press-TS Publ., 2003. 464 p.). EDN: [QOCITE](#).
31. Petrov L.V. *The Structure of Artistic Communication (Based on Works of Cinema and Television)*. *Problems of Television and Radio. Collected Papers*. Moscow, 1967, iss. 1, pp. 123–124. (In Russian).
32. Myasnikova M.A. *Morphological Analysis of Modern Russian Television*. Yekaterinburg, Ural University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin Publ., 2010. 320 p. (In Russian). EDN: [QEXJPR](#).
33. Kozlov L.K. Notes on the Art of Cinematography and the Aesthetics of Television. *Questions of Cinematography. Collected Papers*. Moscow, 1976, iss. 17, pp. 43–78. (In Russian).
34. Gromova P.V., Aleksandrov S.S. The Program “The Power of Fact. Paul I: The Lonely Emperor” (Review Experience). *Filologicheskie ehtyudy = Philological Etudes*, 2023, no. 26, pp. 174–178. (In Russian). EDN: [RGQMIR](#).
35. Ryzhkova O.V. TV-Resources of the Civil War in Russia: To Help the Teacher of History. *Istoriiko-pedagogicheskie chteniya = Historical and Pedagogical Readings*, 2019, no. 23, pp. 411–418. (In Russian). EDN: [SFWDFU](#).
36. Sokolova N. The Television Project “Handwriting of the Era” Presents All the Secrets of the Writers’ Archives. *Rossiiskaya gazeta*. 2022. Available at: <https://rg.ru/>. (In Russian).

Информация об авторе

Мясникова Марина Александровна — доктор филологических наук, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры периодической печати и сетевых изданий, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-1501-0231>, SPIN-код: 4277-0043, ResearcherID: HRD-4481-2023.

Author Information

Marina A. Myasnikova — D.Sc. in Philology, PhD in Art History, Professor, Department of Printed Media and Web Publishing, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-1501-0231>, SPIN-Code: 4277-0043, ResearcherID: HRD-4481-2023.